

УДК 882(092)

КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ В АГИОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ЖИТИЙНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Остапчук Ю.А.

Стаття присвячена дослідженню категорії часу в житійних текстах. Розглядаються есхатологічний і фізіологічний різновиди текстового часу. Робиться висновок про реалізацію категорії відповідно до шкал (моделей): вікової, добової, календарної, пір року, подій, “циферблат”.

Ключові слова: житіє, есхатологічний час, фізіологічний час, вікова шкала, добова шкала, календарна шкала.

Статья посвящена исследованию категории времени в житийных текстах. Рассматриваются эсхатологическая и физиологическая разновидности текстового времени. Делается вывод о реализации категории в соответствии со шкалами (моделями): возрастной, суточной, календарной, сезонной, событийной, “циферблат”.

Ключевые слова: житие, эсхатологическое время, физиологическое время, возрастная шкала, суточная шкала, календарная шкала.

The article is dedicated to the research of the category of time in hagiography. Eschatological and physiological varieties are considered. It is concluded about realization of the category according to the scales (models): age, day, calendar, seasons, events, “the face”.

Key words: hagiography, eschatological time, physiological time, age scale, day scale, calendar scale.

Время и пространство – универсальные свойства всего материального, необходимые условия существования мира явлений. Текст как отражение определенного фрагмента действительности и определенной ситуации общения также не может существовать вне данных свойств.

Под текстовым временем (темпоральностью) подразумевают текстовую категорию, “с помощью которой содержание текста соотносится с осью времени: реальной исторической перспективой действительности или ее преломлением. Текст имеет двоякие соотношения такого рода: во-первых, он отражает определенный фрагмент действительности, вписанный в общую хронологию мира; во-вторых, он развертывается линейно, как время, т.е. существует момент его начала и, далее, темпоральной протяженности” [13, с. 536–537].

С появлением христианства человеческое сознание познало идеи развития, идеи начала и конца: “Порвав с циклизмом языческого мирозерцания, христианство восприняло из Ветхого завета переживания времени как эсхатологического процесса, напряженного ожидания великого события, разрешающего историю, – пришествия Мессии” [1, с. 99].

Рассмотрение житийных текстов должно осуществляться с опорой на восприятие христианского времени, которое еще носит название религиозного, или эсхатологического, времени. А.Ф.Папина отмечает, что в данный тип времени входят некоторые “опорные” точки: начало мира, Рождество Христово и предполагаемый конец мира. “На ось циклического и религиозного времени человеком налагается система мифологических, светских событий, дат, праздников (Святки, Рождество, Новый год, Ночь на Ивана Купала и др.)” [6, с. 161].

Мы полагаем, что “эсхатологическое время” – наиболее уместный термин при анализе русских житий. Это обусловливается русским подвижничеством как феноменом, характеризующимся абсолютным самоуничижением: “Подвижничество святых людей было по своей сути прямым отрицанием мира, уходом от мира” [10, с. 52]. В житиях объектом описания служит не простая преемственность времен, а лишь те отрезки времени, которые наполнены значительным, с точки зрения автора, содержанием. Следовательно, житие объемлет серию эпизодов, следующих один за другим, но не всегда и не обязательно непосредственно связанных между собой во времени. Время –

“параметр человеческих деяний: где ничего не происходит, там как бы и нет времени, его невозможно заметить” [1, с. 26].

Каждый святой знает о загробном мире, где он непременно встретится со всевышним. Жизнь святого – это ожидание смерти. По мнению диакона А.Кураева, все религии “призывают на борьбу с духовным злом. И этим “последним врагом”, по словам апостола Павла, является – смерть” [3, с. 127]. Именно с этим “последним врагом” и сражается святой. Смерть – тот момент, когда с наибольшей полнотой раскрывается судьба человека и обнаруживается подлинная его ценность.

Таким образом, небеса являются конечной точкой эсхатологического текстового времени.

Любое житие – это жизнеописание святого от посвящения в иноческий образ до смерти. Мы можем говорить, что житие охватывает физиологическое время. Под данным термином мы подразумеваем время жизни человека. В житиях полноценная жизнь начинается с прихода и посвящения себя Христу.

Рассматривая тексты, мы наблюдаем редкий случай объединения физиологического и эсхатологического времени. Физиологическое время накладывается и сливается с эсхатологическим

мировосприятием. Завершением физиологического считается смерть (гибель) персонажа. В житии только посредством смерти святой может обрести вечную жизнь, т.е. бессмертие. Так, в житиях вектор времени устремлен в бесконечность. Физиологическое время продолжается эсхатологическим.

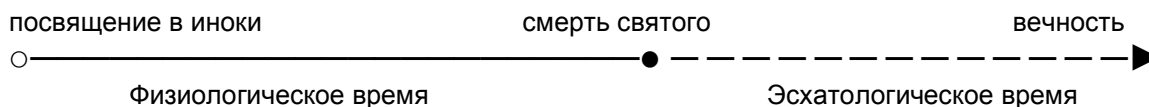
Лексически это представлено описанием факта смерти святого, где загробный мир воспринимается как место пребывания Бога и вечного блаженства:

И так он, восхищенный раньше на время святыми ангелами к небесиподобной церкви перенесен был теперь ими душой в самые небеса на вечность (“Житие Исаии чудотворца”) [7, с. 167].

... он предал дух свой в руки Господа... (“Житие Алипия иконописца”) [7, с. 203].

И, чтобы видеть Бога лицом к лицу, переселился месяца июля 26-го дня... (“Житие Моисея Угриня”) [7, с. 224].

Земная жизнь – временная, жизнь на небе – бесконечная. Такая оппозиционность соотносима и с категорией художественного времени в житиях. Физиологическое время заканчивается в момент смерти святого, и именно момент смерти является точкой отсчета для эсхатологического времени, что схематически можно выразить следующим образом:

Понимание категории времени в патериках напрямую зависит от христианского первоисточника – Библии, где время движется по прямой, имеющей начало, цезуру (момент жертвенной кончины Христа) и конец. Перед временем и после него – вечность. По мнению М.Ф.Мурьянова, “это понималось не так, будто сейчас есть только время; нет, пребывание во времени и в вечности суть два разных способа бытия, в разных мирах, которые сосуществуют как миры видимый и невидимый... Граница между этими мирами проницаема. Вечность может вторгаться во временное. Время не входит в сферу чудотворения, оно движется по предвечному определению” [4, с. 58].

Категория времени в житиях реализуется при помощи временных моделей (шкал, осей), предложенных Н.А.Потаенко [8, с. 114–115].

1) **Возрастная временная шкала (или шкала жизненного пространства):** рождение – детство – отрочество и т.д. Для житийных текстов можно добавить еще ряд делений: “до принятия иноческого образа/после”, “в миру/в монастыре”. Такие деления разделяют вектор времени в житии так, что он подчиняется общепатериковой идее о создании идеального человека, который становится святым после прихода к Богу и отречения от мирского.

Возрастная шкала – основная для житий, и в этом их сходство. Наиболее полно она представлена в “Житии преподобного и богоносного отца нашего Феодосия, игумена Печерского, начальника иноков русских, которые стали

подвизаться в монастырях по уставу”. Святой Феодосий является основоположником уставной монастырской жизни в Печерской Лавре, поэтому его житие более детализировано. Возрастная шкала начинается с младенчества: *Когда родился у них сей святой... Священник же, увидев дитя и сердечными очами прозревая, что с детства отдаст он себя Богу... [7, с. 51].*

Глагол “**родился**” (семантическое значение “появиться на свет; начать жить”) становится точкой отсчета для физиологического времени в тексте и одновременно началом возрастной шкалы. Существительные “**дитя**” и “**детство**” заключают в себе сему “возраст”. Эта же сема раскрывается в субстантиве “**отрок**”: *... просияло житие доброго отрока; ... и рос отрок телом [7, с. 51].* Однако в церковной культовой литературе “отрок” может иметь другое значение: по В.И.Далю – “слуга, служитель, раб” [2, с. 1234]. Такое значение реализуется и в житии Феодосия: *Такова была воля Божия, чтоб от чистого отрока приносимы были в церковь чистые просфоры; Враг же, ненавистник добра, видя себя побеждаемым смирением трудолюбивого отрока... [7, с. 53].*

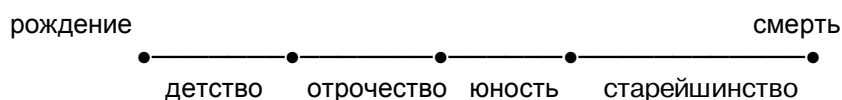
Далее автором жития используется словосочетание “**блаженный юноша**”, которое отмеряет на шкале новый временной промежуток: *“Блаженный юноша думал...”, “блаженный юноша обрадовался...”, “... блаженный юноша стал просить...”, “Блаженный юноша принимал все это с радостью...”.*

Прилагательное “блаженный”, по “Словарю русского языка XVIII века”, имеет значение “угодный богу..., добродетельный” [11, с. 57], что дает положительную характеристику субъекту, а дополнительная возрастная номинация в субстантиве “юноша” выделяет данного святого среди остальных: именно Феодосий с юных лет уже святой; именно он способен был сделать огромный вклад; это предначертано с самого начала.

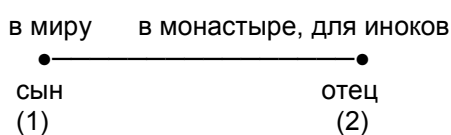
После пострижения Феодосий именуется “блаженным”, затем “Преподобный же Антоний, призвав святого Феодосия, благословил его на

игуменство... Достопохвальный же игумен, преподобный отец наш Феодосий, хотя и принял старейшинство, не изменил своего смирения и своих обычаев” [7, с. 62]. Субстантив “старейшинство” заключает в себе сему “возраст”, имеет значение “звание, обязанности старейшины” [5, с. 749], под старейшиной подразумевается “наиболее старый и авторитетный член какого-либо общества, коллектива, объединения и т. п.” [12, с. 742].

Таким образом, возрастная шкала в рассматриваемом житии может быть представлена следующим образом:

а также по социальному признаку может иметь вид:

- (1) ...здесь ли мой **сын**... [7, с. 58];
 ...скрыл в пещере моего **сына**... [7, с. 58].
 (2) ...**святой отец** наш Феодосий [7, с. 60];
 ...**Преподобный же отец** наш Феодосий [7, с. 61].

Из последней шкалы следует, что категория времени соотносима с выполняемой субъектом социальной ролью, при изменении этой роли изменяется и время.

Вероятно, в житийных текстах можно говорить о духовном возрасте (зрелости), с которого и начинается отсчет, если святой готов стать иноком, значит, это начало его духовного развития, совершает подвиг, – значит, духовно зрел. Объединяет традиционную возрастную шкалу и духовную возрастную их конечная точка – смерть. В обоих случаях – это неизбежно и продиктовано самим жанром “жития”.

Н.К.Рябцева отмечает, что “различный опыт соприкосновения со временем дополняет и усиливает друг друга: физическое время – это время функция, ... духовное – идея и смысл. Таким образом, физическое время – это параметрическая шкала, ... духовное – способ выйти за ее пределы” [9, с. 82]. В нашем случае физиологическое время и физическое взаимозависимы и совпадают, а духовное, действительно, углубляет понимание возрастного времени в житии и придает “идею и смысл”. “Духовное время трансцендентно, феноменологично, космопланетарно, объемно, абсолютно, виртуально, сакрально. Оно сопрягает миг и вечность, срок и черту, день и ночь, небо и землю, дух и душу, любовь и красоту, добро и истину. Это новое измерение, расширяющее границы мира воспринимаемого, эмпирического, отмеренного до мира безграничного, ненаблюдаемого, глубинного; преодолевающее панхронизм физического времени” [Там же, с. 81].

Приведенная дефиниция очень точно передает значение и суть категории времени в житиях. Не только пространство, но и время направлено по умозрительной вертикальной прямой снизу вверх. Как растет человеческое тело, от маленького к большому, так и духовное время – от малых подвигов к большим чудесам; жизнь стремится к Богу.

Думается, лексически духовное время эксплицировано по средством возрастной шкалы, в которую входят субстантивы, содержащие сему “возраст”, а также сопутствующие им прилагательные (например, “блаженный”, что сигнализирует уже о высоком духовном уровне субъекта, к которому это прилагательное относится). Также духовное время может быть дополнено и другими временными шкалами.

2) **Суточная временная шкала** “градуируется следующим образом: восход солнца, заря, день и т. д.” [8, с. 114]:

*Старец же, осенив себя крестом, пошел в келию – уже был **рассвет дня**...* (“Житие Матфея прозорливого”) [7, с. 175];

*... и сам **целыми ночами** бодрствовал в молитве...* (“Житие Феодосия...”) [Там же, с. 61].

3) **Календарная временная шкала** представляет собой ориентацию во времени относительно календарных месяцев, дней недели и т.п. В житиях общепринятые сейчас названия месяцев используются крайне редко и, как правило, при упоминании о дате смерти святого:

*... предал святую душу свою в руки Божии ... **месяца мая** в 3-й день, в **субботу*** [Там же, с. 95];

*... отошел к бесконечному, в **десятый день месяца июля**...* (“Житие Антония...”) [7, с. 20].

4) **Сезонная временная шкала** (или **шкала природных явлений**) имеет деления: весна, лето, осень, зима. В житийных текстах представлена незначительным количеством примеров: ***Летом** выставляли его (т.е. святого) на припек солнца, **зимой** бросали его в мороз на снег* (“Житие Никона Сухого”) [7, с. 280].

5) **Событийная шкала**. Для нее характерно отсутствие общего распределения событий на одной оси, как в календаре. Точкой отсчета могут быть любые события, известные говорящим и принятые в качестве ориентира. В зависимости от выбора системы отсчета одно и то же событие получает разное описание:

... в то время, как начали на святой Литургии петь каноник (причастный стих)... ("Житие Никона Сухого") [7, с. 281];

Приближался день Воскресения Христова ("Житие Евстратия, постника и мученика") [7, с. 276].

6) "Циферблат" – шкала, обладающая упорядоченной номенклатурой единиц: ... в третий день, в шестой час ("Житие Никона Сухого") [7, с. 281].

Таким образом, категория художественного времени в житийных текстах представлена через христианское мировосприятие и реализуется при помощи эсхатологической своей разновидности. Наблюдается объединение физиологического и эсхатологического времени, а также раскрытие 6-ти временных шкал, которые отражают многогранность темпоральности: возрастной, суточной, календарной, сезонной, событийной и "циферблата".

Литература

1. Гуревич А. Я. История и сага / А. Я. Гуревич. – М. : Наука, 1972. – 198 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: Современное написание : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : ООО "Издательство АСТ": ООО "Издательство Астрель", 2003. Т. 2 : И–О. – 2003. – 1280 с.
3. Кураев Андрей, диакон. Новомодные соблазны / диакон Андрей Кураев // Новый мир. – 1994. – № 10.
4. Мурьянов М. Ф. Время (понятие и слово) / М. Ф. Мурьянов // Вопросы языкознания. – 1978. – № 2. – С. 52–66.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 60 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов ; под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. – М. : ООО "Издательство Оникс" \$ ООО "Издательство "Мир и образование", 2006. – 976 с.
6. Папина А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категории : [учебник для студентов-журналистов и филологов] / А. Ф. Папина. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 368 с.
7. Патерик Печерский или Отечник. – К. : Киево-Печерская Успенская Лавра, 1999. – 384 с.
8. Потаенко Н. А. Время в языке (опыт комплексного описания) / Н. А. Потаенко // Логический анализ языка. Язык и время / [отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко]. – М. : Индрик, 1997. – С. 113–122.
9. Рябцева Н. К. Аксиологические модели времени / Н. К. Рябцева // Логический анализ языка. Язык и время / [отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко]. – М. : Индрик, 1997. – С. 78–95.
10. Святые Древней Руси. – К. : Украинский центр духовной культуры, 1993. – 54 с.
11. Словарь русского языка XVIII века / [ред. кол. С. Г. Бархударов, Е. Э. Биржакова, А. В. Бондарко и др. ; гл. ред. Ю. С. Сорокин]. – Л. : Изд-во "Наука", Ленинградское отделение, 1985. Вып. 2. – 1985. – 247 с.
12. Словарь современного русского литературного языка / [ред. кол. А. М. Бабкин, Е. Э. Биржакова, В. В. Виноградов и др.]. – М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1963. Т. 14 : Со-сям. – 1390 ст.
13. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / [под ред. М. Н. Кожинной ; члены редколлегии : Е. А. Баженова, М. П. Котюрова, А. П. Сковородников]. – М. : Флинта: Наука, 2003. – 696 с.